

12 декабря. Анадырь

Дорогой Борис Исаакович, привет из столицы Чукотки!

Здесь располагается местное начальство, их конторы и учреждения; здесь находятся учебные заведения, научные институты, местное радио, редакция окружной газеты и телецентр, а также рестораны, бары, кинотеатр и библиотеки. Я видел вывеску ночного бара. Словом, Анадырь — настоящая столица. Но едва ли бы я когда-нибудь сюда приехал, не говоря уже о том, чтобы здесь жить. Сюда, кстати, и не приедешь. Можно только прилететь или приплыть.

В Билибино прогулкам мешает мороз, а в Анадыре — ветер, но если мороз — переносим, то ветер — нет. Он уменьшает каждый градус вдвое. Поэтому я или сижу в квартире, или добегаю до краеведческого музея и скрываюсь в нем.

Музей — в самом центре города, в двух совершенно одинаковых двухэтажных зданиях, отстоящих в двадцати шагах один от другого. Дома относительно старые, что благоприятствует музею, тем более краеведческому. Но все же здания, их местонахождение и даже экспонаты — не самое важное. Главное — в посреднике, который бы взялся представить жизнь города или края. Можно прийти и остаться один на один с экспонатами, и хорошо, если это Эрмитаж, когда уместнее сказать не «пришел», а «вернулся». Но когда находишься в незнакомом городе и хочешь о нем узнать, как обойтись без того, кто поможет приоткрыть новый мир? То же и с библиотеками. Что толку от богатых фондов и внушительных каталогов, если библиотекарь

равнодушен, безучастен и не становится соискателем твоих знаний? Я знаю работников сельских библиотек, хранителей скромных фондов, у которых каждая книга в работе. Они прежде читателя знают, что ему нужно и за чем он пришел. Но есть огромные библиотеки, с уникальными фондами, работники которых выполняют роль клерков, превратив библиотеки в безмолвные хранилища, где директор всего лишь номенклатурный чиновник.

В Анадыре краеведческий музей жив своими работниками, и прежде всего двумя сестрами. Одна — директриса, другая — заведующая литературной частью. И кроме них есть сотрудники, столь же добросовестные, сколь и отзывчивые, готовые к обстоятельному разговору с каждым, кто переступил порог музея, а особенно с теми, кто пришел впервые.

Директриса, Наталья Павловна, — невысокая, энергичная чукчанка, с манерами европейца, яркая, словоохотливая, повидавшая мир, поддерживающая связи со многими музеями, ведущая научную и просветительскую работу и обладающая безграничными знаниями в своем деле. Рассказывать о Чукотке она может долго и без усталости. Голос у нее громкий, звонкий, если надо — требовательный и жесткий.

Заведующая литературной частью музея, Екатерина Павловна, — полная противоположность. Тихая, незаметная, предпочитающая больше слушать, чем говорить. Её невозможно представить в брючном костюме, тем более курящей. Голос едва слышный, ненавязчивый.

Наталья Павловна — язычница, не скрывает этого и даже гордится. Екатерина Павловна — православная христианка, о чем я узнал, только когда увидел ее перед аналоем в местной церкви.

Наталья Павловна, как и положено начальнику, отстаивает интересы музея, пробивает фонды, защищает сотрудников, требует внимания и руководит. Екатерину Павловну в этой роли представить невозможно, тем более невообразимо, чтобы она требовала или с кем-то выясняла отношения.

Я не расспрашивал об их личной жизни, знаю лишь, что их отец — известный на Чукотке деятель, и его имя носит главная улица в Анадыре. Это значит, что воспитание у сестер было не тундровое. Больше мне ничего неизвестно. Зато известно главное: эти чукотские женщины — язычница и православная христианка — призваны собирать и охранять память своего народа, быть может, в решающий для него час. Промысел избрал их, чтобы они организовали музей, словно это Ноев ковчег, готовый отплыть с бесценным грузом к араратским высотам. Надвинувшаяся катастрофа сделала краеведческий музей столь всеобъемлющим и всеохватывающим, что он вышел за рамки краеведения, а его работники стали настоящими подвижниками истории и искусства Чукотки.

Почему?

Потому что мы дорожим лишь тем, чего недостает, и по-настоящему ценим только то, что теряем. Нам будто невдомек, что вверенное наследство надо хотя бы не преуменьшить. Мы же бездумно прожигаем его. Лишь когда замаячит опасность невозвратной утраты и прозвучит последний трубный глас, мы неуклюже спохватываемся и мечемся в поисках спасительных решений.

Россия — бедная страна. Бедная, потому что дети наши неухоженные и старики нищие: чем еще определяется благосостояние нации? Что мне до недр, богатых нефтью, золотом, газом или платиной? Наш Крайний Север и Чукотка сказочно богаты, а народы Севера едва ли не беднее всех. Вымирающим чукчам, эвенам, корякам, эскимосам, юкагирам не до музеев. И как важно, как справедливо, что именно в это время находятся люди, понимающие, что самое важное сейчас — сохранить память, в надежде, что придут лучшие времена, и, когда неравнодушный потомок спросит: «Что после себя оставили?» — ему будет что ответить. В этом смысле скромная, незаметная работа сотрудников окружного краеведческого музея и восьми его филиалов — ключевая в сохранении культуры и самой жизни Крайнего Севера. Это раньше других понял могучий

билибинский Дед Глазырин, это понимают две миниатюрные чукчанки, Наталья и Екатерина, и их сотрудники. Надеюсь, это понимают и чукотские начальники.

«В какой области вы видели столько краеведческих музеев?» — с гордостью спрашивает Наталья Павловна, словно я способен оценить. Я редко бываю в музеях, тем более в краеведческих, и в Анадырь зашел лишь потому, что он оказался на пути... Зашел обогреться, а открыл для себя целый мир!

В музее представлена, кажется, вся жизнь Анадыря и Чукотки: история и современность, искусство и быт, литература и наука, география и природоведение. Каждый метр использован для просветительства. Даже в коридорах развешаны картины местных художников и расставлены поделки самодеятельных талантов. Здесь можно узнать, когда произошло то или иное событие, какие животные и птицы обитают сейчас или обитали когда-то. Стараниями работников здесь представлена почти вся литература о Чукотке, а книги, сопровождаемые подробными сведениями об авторах, выставлены на специальном стенде. В отдельном зале размещены предметы быта коренных народов: яранга, вельбот, байдара, охотничьи и рыболовные принадлежности, праздничная и повседневная одежда, представлены вещи, которыми и поныне пользуются в тундре, но есть и орудия первобытного человека.

Хранится в музее и то, что не выставлено напоказ, но представляет ценность. Например, книжный фонд, который собирают работники музея. Мне показали знаменитую книгу Степана Крашенинникова о Камчатке, изданную в 1786 году. Такую же, того же года издания, перечитывал Пушкин. Хранятся «Путешествие Биллингса», и беспримерный труд Тана-Богораза «Чукчи», и редкая книга П.И.Полевого «Анадырский край», изданная в 1915 году. В запасниках на отдельном стеллаже — библиотека Т.З.Семушкина. Юрий Рытхэу подарил свои рукописи, и теперь создан отдельный фонд самого титулованного

чукотского писателя. В книжном фонде хранится переписка литераторов, их неопубликованные произведения, материалы к биографиям, много фотографий и документов. Все аккуратно собрано, рассортировано в соответствии с музейными правилами и оберегается, ожидая исследователей, ученых, писателей, публицистов, просто интересующихся историей и культурой Чукотки.

Кто знает о писателе П.Я.Кравченко? Я впервые услышал. Но Павел Яковлевич жил и трудился в Анадыре в сороковые годы, во времена ГУЛага. Он много лет кропотливо фиксировал то, о чем и думать было страшно. Потом подарил музею два чемодана рукописей. Наталья Павловна ездила за ними в Магадан. Теперь труд писателя не пропадет и рано или поздно дойдет до читателя, и мы узнаем о жизни на Чукотке в то страшное время. Есть в музее и богатейший фотодокументальный фонд, и подшивка «Советской Чукотки» за 1933 год. Еще один экземпляр хранился в «Ленинке», но там подшивку не уберегли. Есть фонд истории Чукотки, с которым работают в основном специалисты. В нем хранятся материалы о здравоохранении, географии, этнографии, по сельскому хозяйству и культуре. Все есть: фольклор, книги на языках народов Чукотки, археология, первые буквари, - словом, анадырский музей действительно ковчег. И особая гордость музея — косторезное искусство. Скульптура и графика.

Дорогой Борис Исаакович! Я открыл для себя это искусство только здесь, на Чукотке. Поэтому могу передать лишь первые впечатления. Сначала о скульптуре, затем о графике. Все описываемые экспонаты находятся в запасниках, поэтому мне разрешили их не только рассматривать, но и сфотографировать.

* * *

Страх и голод были главными движителями существования первобытного человека. Смысл жизни заключался в том, чтобы укрыться от одного и избежать другого. Пребывая в стаде,

первобытный человек почти не оставался в одиночестве. Но если такое все же случалось, он вглядывался в небо, искал горизонт и гадал о том, что находится за ним. В эти минуты он не мог не думать и о том, что происходит в нем самом и отчего закрадывается страх. Оставаясь один на один со стихией, человек создавал кумира по своему образу и подобию и, падая ниц перед собственным творением, просил кумира быть милостивым. Всматриваясь в этих божков, мы можем судить о тех, кто их сотворил. Мы восхищаемся наскальными фресками и каменными фигурками, исполинскими истуканами Пасхи и гигантскими рисунками в пустыне Наска, пирамидами в Гизе и в Теотиуакане близ Мехико, но все же понимаем, что они, при всей красоте и величии, лишь тень того, что создано Творцом — природы и самого человека.

Изгнанный из Эдема, человек рассеялся. Избегая смертоносной стихии, он осваивал пространства, дрался с такими, как сам, побеждая врагов, обретал силу, уверенность, власть и... забывал о страхе. Забывал о том, что всякая его удача — Промысел Божий. Утверждая границы владений, считая их священными и неприкосновенными, покоряя других, постигая науки и развиваясь, накапливая и обогащаясь, человек уже не помнил, что его удел — бояться Бога! И только в отдаленных уголках оцивилизованной Земли, там, где неуютно богатому и грустно мудрому, человек по милости Божией еще сохранил первозданность и первородность и не утратил того животного страха перед Богом, который, быть может, гораздо угоднее Господу, чем показное и чопорное благоговение по праздникам.

Вся жизнь на Севере зависела от природы. Если стихия благосклонна — удавались рыбная ловля, охота, приумножалось стадо, а значит, в порядке был очаг и не голодали дети. Оттого и настроение становилось радостным, и духовное состояние возвышенным. Тогда человек не просил своего бога о большем, но думал, чем ему воздать. И, когда свирепствовала пурга и стадо хоронилось в снегах, а море было сковано льдом и охота

становилась невозможной, когда нельзя было ничего, только смиренно сидеть в яранге, — человек брал инструмент и творил. Стремился ли он запечатлеть быт, отразить радости и горести, оставить воспоминания о тех или иных событиях, о победах или поражениях, о любимой женщине, наконец, о самом себе? А может, они творили для собственного наслаждения? Не уверен. Едва ли подобная сентиментальность была присуща древним. Себя они посвящали только своему богу.

В 1260 году был освящен Шартрский собор. И до сих пор это строение справедливо считается вершиной творческого гения Франции. Сколько же веков или даже тысячелетий прошло, прежде чем наскальная живопись палеолита поднялась до готических соборов? Сколько времени ушло на то, чтобы горловые звуки шамана под удары бубна преобразились в симфонию? Но представьте: то и другое находится в неразрывной связи и живет рядом с нами. Живет сейчас! И мы, если захотим, можем возвращаться к истокам высокого искусства, восхищаться им, а наиболее чувствительные учатся видеть мир таким, каким видели его наши далекие предки.

Незадолго до смерти Альфреда Шнитке спросили, к какому направлению он относит свою музыку, и композитор был обескуражен. Он ответил, что человеческий век (имея в виду человечество вообще) столь непродолжителен, а пространство, на котором он обитает, столь мало, что мы не вправе разделять искусство ни во времени, ни в пространстве. Все — от древности до наших дней — есть одно целое. Древний Египет и Палестина, Греция и Рим, Месопотамия и Индия, средневековая Европа и Китай, цивилизация инков и древнерусская культура — все это рядом и неотделимо от нас, не говоря об эпохе Ренессанса или более поздних эпохах.

Кто ближе к началу мира: Боттичелли или Модильяни? (Или правильнее спросить: кто от него дальше?) Кто ближе к первым музыкальным опытам: великие симфонисты XIX века или тот же Шнитке? И где тогда находится Бах — позади, впереди, в центре?..

Пространства, на которых обитают чукчи и эскимосы, не имеют границ. Но их быт ограничен ярангой, а кочевая жизнь требует минимального имущества. Значит, размеры поделок и изделий должны быть не велики, а сами они — не тяжелы. Что же может служить холстом или исходным материалом? Стены пещеры? Но их не возьмешь с собой, не перенесешь за сотни километров. Может, камень? Камень тяжелый, серый и хрупкий. Дерево? Его в тундре нет. Остается кость и прежде всего — клык моржа. Его можно обрабатывать, словно твердое дерево, он невелик, к тому же — белый, и тень, оставляемая в микроскопической бороздке, хорошо видна в полутемной яранге. Наконец, моржового клыка — много, и изделие из него не станет разменной монетой, предметом вождения и зависти, кражи и насилия, как это происходило там, где основным материалом для поделок было золото или драгоценные камни.

В краеведческом музее Анадыря я впервые увидел образцы косторезного искусства. Почти все экспонаты сделаны умельцами из Уэлена, где находится всемирно известная косторезная мастерская.

Уже здесь, на Чукотке, я видел много рисунков с изображением чукчей, эскимосов, эвенов... В основном они выполнены приезжими художниками. Можно спорить о достоинствах или недостатках, восхищаться некоторыми работами или оставаться равнодушным, очевидно одно: никто не смог передать пластику коренных жителей, не уловил их приземистость, обтекаемость и природную устойчивость. Еще женщины изредка получают: к ним художники более внимательны.

Европейский мастер всегда старался оторваться от земли, воспарить и окинуть взором окружающий мир. Оседланные гигантские птицы, крылатые кони и змеи отражали вечное стремление ввысь. Северный человек, напротив, прижимался к земле, остерегаясь потерять почву. Дерзость и темперамент южанина были ему никчемны. Вольности и свободе, столь желанной в остальном мире, люди Севера предпочитали жесткую

дисциплину и строгую иерархию. Уйти из тундры, подобно тому как лермонтовский Мцыри покинул монастырь, едва ли могло прийти кому-нибудь в голову: вокруг тундры была только тундра. «Мы вольные птицы; пора, брат, пора! / Туда, где за тучей белеет гора...» — взывал из Молдавии молодой необузданный узник. «Чому я не сокіл? Чому не літаю?..» — пели мы, мечтательно обращаясь к небу. «Я не завидую орлам, парящим в небе голубом...» — поется в одной из чукотских песен... Южные танцы легки и воздушны, танцоры тянутся ввысь, становятся на цыпочки, часто подпрыгивают. Северный танец иной. Танцующий никогда не отрывается от земли. Напротив, под монотонные звуки ярара он жесткими, даже грубыми движениями словно вкапывается, вбивается в землю. Его колени полусогнуты, руки распростерты, а кисти, в такт притопу, с силой сжимаются в кулаки. На случай непогоды, когда пространство ограничено ярангой, у эскимосов есть «сидячие» танцы, когда танцуют лишь верхней частью тела.

До сих пор я не интересовался бытом северных народов, их искусством и лишь однажды, в Эрмитаже, видел скульптурную композицию из кости. Ее сработали косторезы из Архангельска и подарили Екатерине II. Эта композиция оставила меня равнодушным. Фигурки охотников, оленей, собак — статичны, неживые. А вот фигурки из анадырского музея — в движении, в динамике. Глядя на них, можно представить, что было мгновение назад, и проследить за тем, что еще только будет.

Миниатюрная скульптура, сотворенная чукотскими мастерами, отражает неуловимую пластику северного человека, его движения, ритм и энергию. Глядя на маленькие, не больше десяти сантиметров, шедевры, можно понять темперамент народа, тысячелетия прожившего в тундре и не пропавшего.

Осторожно, не касаясь пальцами, я брал в ладони фигурки, подносил их к свету и рассматривал...

Композиция «Пастух, олень и волк», выполнена в 1973 году мастером Туккаем из Уэлена...

На крупного самца, уличив момент, набросился огромный полярный волк. Но прежде чем он повалил оленя, ему в шею вонзил нож пастух. Волк взвыл, но жертву не выпустил. Оленевод суров и спокоен: защита стада — повседневная работа, а риск — состояние обычное. Но что дальше? Волк повержен? Олень спасен? Неизвестно. Судя по всему, борьба не закончена. Волки часто охотятся стаями, — и не набросятся ли на оленевода другие хищники? А может, воспользовавшись тем, что пастух отвлечен, они нападут на стадо? Или, быть может, сам пораженный зверь изловчится и нанесет ответный удар? Много вопросов еще возникнет, прежде чем мы узнаем о судьбе отважного оленевода.

А рядом — мирная работа мастера Тымнетагина «Семейное счастье», выполненная в 1979 году...

После кочевки пастух вернулся домой. Навстречу вышла или, скорее, выбежала жена с грудным ребенком. Пастух в радостном порыве выхватил ребенка из рук матери и поднял над головой. Нет сомнения, это будущий продолжатель рода, защитник и кормилец. В каком восторге пастух! Кроме сына, никого в целом мире для него сейчас нет. А мать? Только что она радовалась долгожданному мужу, но вот уже в страхе протянула руки, чтобы взять дитя: мало ли чего можно ожидать от грубого мужчины? Но нет, оленевод не меньше матери знает цену сыну. Никогда он не причинит ему боль и не выпустит из рук. Таково семейное счастье... Но, быть может, это не встреча? Может, уэленский мастер изобразил расставание? И, зная сколь опасен труд оленевода или охотника, сколь беспощадна бывает тундра, — не в последний ли раз они видятся? Не оттого ли отец неотрывно смотрит на дитя? Не потому ли вознес его, чтобы тот навсегда запомнил этот, быть может, последний полет в отцовских руках? И не потому ли, предчувствуя беду, распростерла руки женщина? Нет-нет, все будет хорошо! Все будет хорошо!.. И обратите внимание на то, как назвал свою работу мастер — «Семейное счастье». Оно не в уютной комнатной идиллии, не в застолье, не в походе в кино или театр, не в семейном отпуске на теплом солнечном побережье. Счастье

охотника и пастуха (следовательно, скитальца) — во встрече и разлуке. Это счастье мгновенно, словно молния. Остальное время — тяжкий и опасный труд... Нет, не за право — за возможность жить: самому и своим близким.

В самом углу стеллажа притаилась едва заметная скульптурка «Стрелок» неизвестного мастера из Уэлена. Эта фигурка не больше спичечного коробка, но она могла бы украсить любой музей...

Стрелок-лучник напряжен и целеустремлен, он сконцентрирован на выстреле. Для большей устойчивости согнул колени. Руки вскинуты, да так, что плечи находятся на уровне головы. Тетива натянута, глаза прищурены. Сейчас он выпустит стрелу. Будет ли цель поражена? Конечно. Много часов охотник бродил по тундре, выслеживая зверя. Мерз, крался по сугробам, преодолевал препятствия, поднимался на сопки, спускался, пока зверь, уставший от погони, не остановился. Быть может, это осторожный соболь — король меха или хитрая лисица, а может, росомаха или еще какой-то зверь. Но кто бы ни был, охотник обязан извиниться перед жертвой. По старинным чукотским поверьям, если этого не сделать, проявить неоправданную жестокость или жадность, убить больше, чем необходимо на сегодня, — завтра добычи не будет.

Еще одна миниатюрная скульптура — «Обучение». Её автор также из Уэлена — Е.И.Эйнес...

Сидят на корточках друг перед другом две чукчанки: мать — опытная чумработница, учит дочь, как правильно разделявать нерпу. Она ограничивается устными замечаниями, в то время как дочь старательно орудует «женским» ножом. Девушка держит его в правой руке и, чтобы работать было удобнее, приспустила кухлянку. Правое плечо оголено, да так, что видна молодая девичья грудь. Так же трудились ее мать, бабушка и более далекие предки. Зима, но чукчанка не замерзнет: разделка туши занятие не из легких. Дочь старается, выказывает усердие и, судя по всему, немного торопится. Опытная мать спокойным движением руки

словно говорит: «Не спеши. Работу надо выполнять основательно и наверняка».

Этот же мастер выполнил небольшую скульптурку «Девушка с рыбой», напоминающую шедевр Микеланджело из Эрмитажа. Флорентийский гений был ограничен небольшим исходным материалом, и мальчик, вытаскивающий из ступни занозу, получился неестественно скрюченным. Чукотского мастера ограничивало пространство жилища, в котором молодая чукчанка занята разделкой рыбы. Несколько плавных волнообразных витков — и всё понятно, узнаваемо: она готовит строганину, и если так, то неподалеку находятся мужчины, они ждут, когда девушка принесет еду. Значит, ей надо торопиться. В тундре лишнего времени нет. Кухлянка у девушки приспущена, плечо оголено... Работает чукчанка специальным ножом. Левой рукой держит рыбу за хвост, а ногами прижимает, чтобы она не выскользнула...

Еще одна работа называется «Мальчишечья охота». Уэленский мастер, выполнивший её в 1982 году, «остановил» сюжет в тот момент, когда чукотский мальчик вот-вот поймает жирную куропатку. Пластика скульптуры схожа со «Стрелком» и навевает сравнения с некоторыми работами Пикассо. Бегущий мальчик вытянул руки, потерял равновесие и если не схватит птицу, то непременно упадет. Это одно из немногих изображений, где северный человек не стоит на двух ногах. Косторез Ивитук позволил эту шалость резвому чукотскому мальчишке.

Одна из самых замечательных скульптурных композиций называется «Дедушкин рассказ». Автор Кителькот выполнил её в 1982 году...

Сидит на снегу старик. У него мужественное в морщинах лицо. Он погружен в воспоминания, скорее всего грустные, потому что вспоминает он о днях давно ушедших и невозвратных. Но жизнь не прошла напрасно, она имеет и свое воплощение, и продолжение. На левом колене старика сидит один внук — ему не больше трех лет, а справа — второй, лет на пять старше. Он подсел

вплотную, чтобы плечом касаться деда. Правой рукой старик указывает вдаль, но сам не вглядывается, столь знакома она ему. Быть может, он указывает на ярангу и рассказывает историю рода; или старик показывает внукам стадо и обучает первым пастушьим навыкам; а может, они находятся на берегу моря и старик, заметив кита, обращает внимание на него; или, быть может, показывает внукам священное место, с которым связано важное в его жизни событие... Трехлетний ребенок еще не понимает смысл происходящего, не вникает в рассказ и лишь прислушивается к голосу деда, от которого исходит тепло и передается уверенность. Он и смотрит не туда, куда указывает старик, а на... дедушкин палец, который и ближе, и понятнее. А вот старший внук многое понимает и кое-что из рассказа уже слышал. Он знает: всё, что говорит дед, — предназначено именно для него. Поэтому и смотрит точно в ту сторону, куда указывает старик. Из троих лишь он вглядывается в даль, чуть отодвинув голову от деда, пытаясь разобраться в увиденном. Ему кажется, что он уже и сам готов действовать. Скоро, очень скоро это произойдет. Но пока надо слушать и запоминать... По замыслу эта работа не имеет равных среди скульптур музея. Её можно располагать перед всяким предметом, напротив каждой другой фигурки, даже напротив каждого из нас, и всегда она окажется уместной: старик будет указывать в самую точку и обращать к ней внимание грядущих поколений. Ведь он, проживший долгую и трудную жизнь, обо всем может рассказать, обо всем поведать, в том числе и о нас с вами.

Есть в запасниках и скульптурные композиции, что называется, жанровые. На большом клыке, выделанном под подставку, мчатся олени. В нартах — оленеводы или охотники. Поражают тонкость отделки, легкость, воздушность, а главное — передана динамика. Несущиеся по тундре упряжки действительно движутся. Но даже в нарте, на скорости, северный человек не отрывается от земли и хотя бы одной ногой ее касается. То же и в сценах охоты на морских животных, и во встрече с опасными хищниками — волком или медведем.

Скульптурная композиция Тымнетагина, изображающая какую-то семейную драму, называется «Борьба за жену»...

Стоит безучастно молодая женщина, закрыв руками лицо. В ее обреченном виде читается фатальное: «Что будет — то будет!» Она чувствует, как над нею занес могучую лапу «большой взъерошенный медведь», к тому же — белый. Он хочет схватить её, но не затем, чтобы разорвать на части, а чтобы унести в свою обитель. Ведь это не простой медведь. Он одет в дорогую кухлянку с орнаментом и качественной выделкой... Да это и не зверь вовсе, а особенный образ, скорее всего, герой неизвестной мне северной легенды. Наверное, он схватил бы красавицу и унес в «шалаш убогой», если бы не муж-охотник. Он уже спешит на выручку, уже подбежал к коварному обидчику и занес над ним грозное оружие: голову моржа с острыми клыками. Еще мгновение — и он вонзит их в спину наглому полузверю. Жена будет спасена и, конечно, вознаградит возлюбленного ещё большей лаской, еще большей любовью. А поверженный обидчик уже никогда не посягнет на чужое счастье.

Композиция эта стоит на необычной подставке. Она тоже из моржового клыка и разрисована удивительно нежной и тонкой графикой. Эта графика — предмет особой гордости и особенного восхищения, но о ней — в следующем письме.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧУКОЧ

(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи».)

«По данным антропологических измерений, произведенных среди чукоч (обмерено 148 мужчин и 49 женщин), рост чукоч достигает: у мужчин: максимум — 186 см, минимум — 150 см, средний — 162 см; у женщин: максимум — 168 см, минимум — 138 см, средний — 152 см...

Телосложение чукоч крепкое, статное, хотя и несколько массивное — верховой олень, купленный ими у ламутов, часто оказывается слабым для своих новых хозяев. Кроме того, чукчи не так быстроноги, как ламуты-охотники. Однако, тучные люди у чукоч встречаются редко...

Руки и ноги у чукоч, как и у всех племен северной Азии, — маленькие. Чукчи потливы. Молодые пастухи-оленеводы быстро потеют даже при самом легком беге вокруг стада. Полушутя оленные чукчи называют сами себя "потливым народом" (гытлотарамкын). Женщины часто неуклюжие, имеют короткую талию и ноги, непропорциональные по отношению к туловищу. Некоторые из чукоч обладают значительной физической силой, в особенности оленеводы, у которых всегда здоровая пища. Мне приходилось видеть людей, которые были в состоянии нести на спине целую оленью тушу на расстоянии километра или легко поднимать большой камень до пяти пудов весом.

Молодые люди постоянно тренируются в развитии своих сил, поднимают и носят большие камни, бегают взапуски на значительные расстояния. Приморские чукчи и эскимосы употребляют даже специальные "подъемные" камни. Эти камни — цилиндрической формы, заострены на конце и отшлифованы...

...Скулы у чукоч выдаются значительно меньше, чем у тунгусов и якутов. Носы у них часто крупные, красивые, иногда даже "орлиные", но встречаются также носы с низким монгольским переносьем, особенно у женщин. Лица у чукоч нередко довольно аляповатые, черепа плоские и низкие прямые лбы, нижняя часть лица непропорционально велика. Красивую голову чукчи часто сравнивают с круглой травяной кочкой. В рассказах красивый мужчина часто

зовется "кочешноголовый". Лица монгольского типа более часты среди женщин. Однако многие чукчанки обладают лицом и сложением не хуже средней женщины белой расы.

Глаза у чукок прямые, нередко большие, широко прорезанные. Третье веко (поперечная заслонка для слезной железы), типичное для желтой расы, встречается у чукок редко.

Волосы у чукок, также как и у коряков, часто волнистые и даже кудрявые, между тем как у камчадалов — всегда прямые. Некоторые оленные чулки, которых мне приходилось встречать в различных частях чукотской территории, носили прозвище "кудрявый" (камсь) благодаря своим кудрявым волосам. Особенно в тихоокеанских селениях попадаются нередко даже курчавые волосы.

У чукок, живущих во внутренней части страны и на берегу Ледовитого океана, цвет волос темный, а на Тихом океане — 15% имеют темно-коричневые и даже светло-коричневые волосы. Растительность на лице скудная, но все же волосы у чукок встречаются чаще, чем у ламутов или у якутов. В то время, как ламуты тщательно выдергивают все волоски бороды особыми щипчиками, чулки оставляют расти свои бороды и даже гордятся ими. Усы у оленных чукок (вернее, черный пушок на верхней губе) считаются украшением зрелого возраста и эмблемой независимости. Брови чукок часто густые, нависшие, особенно у стариков. Растительность на теле скудная. У женщин густые брови, длинные толстые косы и обилие волос на лобке считаются признаком красоты. По чукотской пословице: волосистый лобок у жены — забава для мужниных рук».